Московский экономический журнал 3/2017

УДК 338.1

Антонина Лазутина, кандидат экономических наук, доцент, доцент ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет)», г. Нижний Новгород.

Ольга Крайнова, кандидат экономических наук, доцент, доцент

ЧОУ ВО «Московский университет им. С.Ю. Витте» (филиал в г. Н. Новгороде), г. Нижний Новгород.

Ольга Суханова, старший преподаватель кафедры менеджмента и туризма

ЧОУ ВО «Московский университет им. С.Ю. Витте» (филиал в г. Н. Новгороде), г. Нижний Новгород.

Antonina Lazutina, candidate of economic science, associate professor, NSPU them. K. Minin (Minin University), Nizhniy Novgorod

Olga Krainova, candidate of economic science, associate professor, Moscow Witte University (branch in N. Novgorod), Nizhniy Novgorod

Olga Sukhanova, senior lecturer of the department of management and tourism, Moscow Witte University (branch in N. Novgorod), Nizhny Novgorod

КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ГЕНЕЗИСА И РЕАЛИЗАЦИИ

CULTURAL CAPITAL: CONTRADICTIONS OF GENESIS AND REALIZATION

Аннотация. В статье актуализируются вопросы в части изучения процессов воздействия культурного капитала на экономику, особенно в его взаимодействии с социальным капиталом. Также выдвигается и обосновывается гипотеза о том, что в отличие от национальной экономики России, функционирующей и развивающейся сегодня как рыночной, в форме модели несовершенной конкуренции, в культуре, взаимодействующей с общественным воспроизводством, оказывающей на него обратное активное влияние, сказать об этом однозначно нельзя. Культурные и иные шоки, детерминированные сменой общественно-политического, социально-экономического строя в 90-е годы XX века в России, до сих пор самым отрицательным образом сказываются на жизнедеятельности социума, в том числе и на его экономической безопасности.

Summary. In article questions regarding studying of processes of impact of the cultural capital on economy, especially in his interaction with the social capital are staticized. Also the hypothesis that unlike the national economy of Russia functioning and developing today as market, in the form of model of the imperfect competition in the culture interacting with public reproduction, exerting the return active impact on it is impossible to tell about it unambiguously is made and proved. The cultural and other shocks determined by change of a social and political, social and economic system in the 90th years of the 20th century in Russia still negatively affect activity of society including on its economic security.

Ключевые слова. Культура; культурный капитал; национальная экономика; экономическая безопасность.

Keywords. Culture; cultural capital; national economy; economic security.

Экономика России в настоящее время функционирует и развивается как вполне, системно рыночная, регулируемая государством с либеральных позиций.

Об этом свидетельствуют факты известной свободы предпринимательства, ценообразования, многообразия форм собственности и хозяйствования, внешней открытости национальной экономики.

Однако, о том, что в России (да и в других бывших социалистических

странах, бывших союзных республиках разрушенного СССР) аналогично реализуется культура, культурный капитал (в его взаимосвязи и взаимообусловленности с экономикой), как ключевая структурная компонента человеческого капитала, – однозначно, со всей определенностью утверждать нельзя.

В этом процессе наблюдается такой феномен, как эффект ускользания / исчезновения эффекта (эффектов).

Подобное суждение далеко не тривиально, не банально. Это – суровая реальность бытия российского социума, которая – в силу проявления совокупности причин – прежде всего шоков – политических, экономических, социальных, институциональных, духовных, идеологических, которые генерировались сменой общественно-политического, социально-экономического строя, неформальных конструктов, духовной жизни общества, – до сих пор – в разной мере, с различным масштабом, вектором, силой, интенсивностью оказывают существенное влияние на общественное воспроизводство. [5]

Если конкретизировать эти шоки, то они связаны с радикальным изменением власти, находящейся теперь в руках, прежде всего буржуазии, с заменой – путем приватизации – социалистической собственности на доминирующую частную, планового механизма хозяйствования на рыночный, со значимым сокращением (а в ряде случаев и ликвидацией) государственного патернализма, с резким – оправдываемым идеологией – социальным неравенством, с действием такого явления, как неуверенность в завтрашнем дне и др.

Суровые последствия этих шоков самым негативным образом сказались и еще будут сказываться на жизнедеятельности российского социума, его экономике, его духовных скрепах (кстати, акцентуация внимания авторов на отрицательных моментах реализации этих явлений вовсе не означает «очернительства», а выступает лишь необходимой научной предпосылкой для уменьшения / устранения недостатков, а шире – для нахождения и своевременной реализации адекватных, эффективных способов оптимального разрешения противоречий, с ними связанных).[7]

На поверхностном уровне бытия материализация шоков, последствия, а они

затрагивают все сферы общества, – и это является общепризнанным, – проявляются в таких отрицательных моментах, как: известный отрыв власти от народа; определенная имитация государством демократии; несправедливое социальное расслоение; вряд ли оправданное усиление репрессивного аппарата; низкие темпы экономического роста, инвестиционно-инновационной активности; экономические и финансовые кризисы; сокращение населения (за годы реформ – без гражданской войны! – оно сократилось примерно на 10,0 млн. человек); «утечка мозгов»; отставание от развитых стран по уровню и качеству жизни граждан (по ВВП на душу населения – 13 место, по индексу социального развития – 65, по средней ожидаемой жизни – 90, по уровню жизни пенсионеров – 97); рост алкоголизма, наркомании, суицидов; коммерциализация удовлетворения базовых потребностей людей (в образовании, в здравоохранении); низкая заработная плата наемных рабочих, ИТР, не отвечающая требованиям становления информационной, постиндустриальной экономики; стигматизация бедных («лузеры, быдло, неудачники, пушечное мясо»); компрадорство; преступность; пропаганда гедонизма, потребительства; недоверие людей – к власти, к бизнесу, бизнеса к друг другу, человека к человеку; прокламирование в качестве смысла бытия людей – материального успеха, богатства, «бобла». [1]

Что же представляет собой культура, культурный капитал? Каким образом, в чем он может и действительно сказывается на экономической безопасности России в современных условиях?

Чтобы ответить на эти актуальные, непростые вопросы, необходимо отметить, что под культурой (ныне насчитывается более 500 ее определений) понимаются смыслы, нравы, обычаи, ценности, символы, транслируемые по вертикали и по горизонтали, носящие исторический характер, позволяющие самоидентифицировать и идентифицировать различных субъектов социума. [3]

Культурный капитал же представляет собой актив, приносящий доход индивиду / семье, той или иной социальной группе, обществу / государству.

Интерес к культурному капиталу, как феномену экономики, был объективно обусловлен, как представляется, превращением науки в непосредственную производительную силу (К. Маркс), что ныне стало объективной

реальностью. Реальностью стал и сам факт качественного повышения функциональной роли человека (В.И. Ленин), и как главной производительной силы общества, и как конечной цели функционирования и развития национальной экономики, жизнедеятельности социума в целом. В этом смысле речь идет не об экономическом, а социальном измерении экономики. [4]

Именно инвестиции в человеческий капитал – в воспроизводство человека, его воспитание, образование, в получение им необходимых практик, в формирование и поддержание его здоровья, в создание всех необходимых условий для его развития и самореализации – и позволяют социуму обеспечить устойчивый экономический рост на инновационной основе, достойную конкурентоспособность народного хозяйства в мирохозяйственных связях, неуклонный рост уровня и качества жизни населения, достичь счастья людям.

Воздействие культурного капитала на экономику, особенно в его взаимодействии с социальным капиталом, носит структурно-функциональный характер, поскольку он выступает как: по форме – материальный / (машины, технологии, сооружения, здания, дизайн и т.п.) и нематериальный (идеи, знания, верования, традиции, обычаи, моральные и нравственные нормы и т.п.); по видам – традиционный и нетрадиционный (модерн / постмодерн); по характеру – всеобщий (идеи доброты, красоты, трудолюбия, справедливости; общий для того или иного общества / государства; особенный (в сфере того или иного этноса); единичный, свойственный для того или иного индивида, той или иной семьи, социальной группы; по структуре – подвергаемый и неподвергаемый физическому и моральному износу; по форме собственности – личный / частный, групповой / коллективный, общественный / государственный; по линии наследования – наследуемый и ненаследуемый (что позволило, по мнению Д. Норта, обеспечить невиданные в истории колоссальные темпы экономического, а по справедливому замечанию Э. Тоффлера, исключительное разнообразие массово доступных экономических благ); в аспекте доступности – общедоступный, ограниченно доступный, узко-доступный (для творца, семьи, близких, элитных ценителей); по способу восприятия – добровольный, принудительный / навязанный; по способу реализации – прямой / непосредственный, косвенный / опосредованный; по уровням – нано –, микро

–, мезо –, макро –, мега-уровни; по легитимности – законный, криминальный; по социетальности – просоциальный, социальный, асоциальный, антисоциальный; по направлениям – политико-культурный связанный с формированием и реализацией формальных правил (Конституции, Кодексов, законов, подзаконных актов); с демократией – легитимностью власти, ее дистанцией от народа; с деятельностью оппозиции; со свободой слова; с вмешательством государства в частную жизнь, с автономией личности; экономико-культурный, связанный с мотивацией труда, с предпринимательством, с инновационной креативностью; с дисциплиной и ответственностью; социально-культурный, связанный с сохранением ядра традиционных неформальных ценностей и пониманием важности и необходимости трансформации (вплоть до отказа) периферийных институций; с согласием на иерархию; с чувством справедливости: с неприятием нелегитимного, деструктивного насилия; институционально-культурный, связанный с доверием к власти, бизнесу, друг другу; с созданием неформальных институтов – сверху / снизу, эволюционно / революционно: духовно-культурный, связанный с гуманизмом, с интеллектуальной свободой, свободой слова, вероисповедания, свободой строить свою судьбу, делать свободный выбор и нести за это персональную ответственность; культурно-эмоциональный, связанный с получением эстетического удовольствия от чтения книг (правда, в мире читателей, как заявляют социологи, является всего лишь 2 % населения, и это, не говоря уже о том, что они читают!), от посещения различных музеев, от просмотра кино – видеофильмов, от туризма и т.д. [6]

Необходимо отметить, что выгоды и вздержки по формированию (что это не простой вопрос, достаточно вспомнить недоброй памяти министров образования и науки РФ, высказывающихся в духе, что воспитание и образование – не совместимы, что главное – готовить квалифицированного потребителя!) и эффективному, продуктивному использованию культурного капитала могут носить как стоимостной, так и нестоимостной характер. Он дает возможность минимизировать / оптимизировать как трансформационные (издержки производства и обращения), так и транзакционные издержки – издержки поиска информации, измерения, заключения и соблюдения контрактов, спецификации и защиты прав собственности, контроля оппортунистического поведения. В частности, это относится к недопущению лжи, обмана, коварства, мошенничества,

воровства во взаимодействии, в сотрудничестве, имитации роста самоотдачи, заключение корыстных сговоров между персоналом и менеджерами, между менеджерами и топ-менеджерами, работы на показатель, установление ложных целей, гейминга (использование ложных правил и процедур для достижения результатов, для которых они не были предназначены; сокрытия резервов, халтурного выполнения установленных заданий...). [2]

Иногда утверждается, что культурный капитал наиболее продуктивен, эффективен исключительно в малых социальных группах в силу наличия в них единства целей и действий, сплоченности, доверия, взаимной поддержки. В известном смысле это верно, но – лишь частично, если речь идет о генезисе, создании вышеуказанных ценностей. Ограниченность этого подхода, как представляется, опровергается общественной практикой. Действительно, для этого достаточно вспомнить сборку автомобилей Г. Фордом в своей мастерской, а затем – на его многочисленных заводах с помощью уже конвейера. Так что и здесь эффект масштаба отрицать было бы теоретически неверным и практически вредным.

Учитывая вышеизложенное, можно со всей определенностью утверждать, что экономическая безопасность России и сегодня, и в будущем во многом детерминирована культурным капиталом, правильностью его трансляции, эффективностью государственной поддержки его формирования и создания социумом необходимых и достаточных условий для его эффективной и продуктивной реализации.

Список использованной литературы

1. Волостнов Н.С., Лазутина А.Л. Доступ к экономическим благам в рыночной экономике: содержание и индикаторы // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 6-4. С. 727-731.
2. Кузнецова Н.В., Качеева Е.В. Методический подход к оценке человеческого капитала в условиях глобализации // Менеджмент в России и за рубежом.– 2016. – № 6. – с. 100-114.
3. Хильманов В.С., Крайнова О.С. Инновации в предприятиях торговли как фактор повышения их конкурентоспособности // В сборнике: Инновационные технологии управлениясборник статей по

материалам II Всероссийской научно-практической конференции. Нижегородский государственный педагогический университет им. К.Минина. 2015. С. 236-239.

4. Полтерович В.М. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. – 2016. – № 11. – С. 5-23.
5. Стиглиц Д. Цена неравенства / пер. с англ. – М.: ЭКСМО, 2015.
6. Тамбовцев В.Л. Планирование и оппортунизм // Вопросы экономики. – 2017.– № 1. – с. 24-27.
7. Тамбовцев В.Л. Экономическая теория неформальных институтов. – М.: Проспект, 2016.